

Павел Лузин

КОСМОС КАК ИНСТРУМЕНТ МЯГКОЙ СИЛЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

Успешная космическая деятельность в политическом плане сегодня характеризуется не только непосредственным использованием ее результатов для достижения конкретных целей того или иного государства на международной арене, но и своим косвенным влиянием на позиции такого государства в мире. В последнем случае речь идет о целом ряде возможностей: от участия в выработке международной повестки дня в этой сфере до воздействия на целеполагание других игроков и укрепления собственного авторитета. Но здесь потенциал России остается в целом не раскрытым по причине отсутствия у российских властей четкой политической стратегии на данном направлении.

Российскому руководству необходимо понимать, что эффективная конвертация результатов космической программы в долговременный внешнеполитический капитал достижима, если целеполагание самой программы будет опираться на четко артикулированные цели страны и одновременно формировать заинтересованность зарубежных элит.

МЯГКАЯ СИЛА И ЕЕ СПЕЦИФИКА В КОСМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Степень заинтересованности зарубежных политических элит в космической программе России, в сотрудничестве с ней и восприимчивость к ее политическим подходам в этой сфере, а также роль освоения космоса в укреплении авторитета страны в мире удобно рассматривать сквозь призму концепции *мягкой силы* Джозефа Ная-младшего, под которой подразумевается «способность добиваться желаемого на основе добровольного участия союзников, а не с помощью принуждения или подачек»¹. Вместе с тем «ресурсы *мягкой силы* часто оказывают косвенное влияние, расширяя пространство для политического действия, и порой здесь требуются годы для получения запланированных результатов»².

В современной истории наиболее четко использование космоса как инструмента российской внешнеполитической *мягкой силы* проявилось в 1993 г. — начале 2000-х гг. в рамках проекта *Международной космической станции (МКС)*. Тогда Россия конвертировала свой опыт длительных пилотируемых полетов в космос и строительства обитаемых орбитальных комплексов в укрепление собственных позиций на мировой арене, притом что других позитивных факторов для такого укрепления в то время было объективно мало.

Однако опыт *МКС* также продемонстрировал, что потенциал *мягкой силы* в каждом конкретном, пусть и долгосрочном начинании в космосе постепенно сокращается. Так, к середине 2000-х гг. российское участие в эксплуатации станции практически

И
И
Р
А
Т
Н
Е
М
М
К
О
М

перестало оказывать положительное влияние на отношения страны с западными партнерами и Японией. Аналогичным образом происходила и происходит эрозия *мягкой силы* в собственно российско-американских проектах, таких как спутниковая система *АМРОС*, разработка и поставка ракетных двигателей *РД-180* для ракет-носителей *Атлас-5* и т. д.

Все это относится и к сотрудничеству с другими зарубежными игроками: с Европой — запуск ракет-носителей *Союз-СТ (Союз-2)* с космодрома Куру во Французской Гвиане, участие России в европейских автоматических миссиях на Меркурий и Венеру; с КНР — запуск китайского микроспутника на борту потерпевшей аварию межпланетной станции *Фобос-Грунт*; с Индией — привлечение индийской стороны к проекту *Луна-Ресурс* и т. д. Несмотря на вполне очевидные положительные результаты (разумеется, исключая инцидент с межпланетной станцией), они не оказывают системного внешнеполитического эффекта, поскольку Россия и ее партнеры в перечисленных проектах решают преимущественно экономические и технологические задачи. Соответственно, потенциал *мягкой силы*, ощутимый в начале, в момент переговоров и заключения межправительственных соглашений, здесь также склонен размываться.

Можно назвать следующие причины обозначенной эрозии:

- 1) как только тот или иной проект находит свое воплощение, становясь рутинной деятельностью, или сворачивается, не принеся результата (как в случае с системой *АМРОС*), он во многом теряет свою политическую актуальность;
- 2) обозначенные проекты в своем политическом целеполагании изначально имели горизонт лишь *сиюминутной выгоды* и не были нацелены на извлечение долгосрочных внешнеполитических дивидендов.

Таким образом, ресурс *мягкой силы* нуждается в постоянной подпитке и наличии горизонта долгосрочного планирования.

Что касается объекта приложения *мягкой силы*, то в случае использования в качестве таковой результатов космической деятельности, им является главным образом не общество в целом, а лишь его политическая, экономическая и интеллектуальная элиты. Это связано с тем, что напрямую результаты освоения космоса отражаются в общественном сознании крайне редко, в основном связаны с успехами и неудачами собственного правительства³.

Важно также учитывать, что *мягкое* применение космических достижений во внешнеполитической деятельности эффективно для решения нескольких групп задач:

- качественное укрепление партнерских и/или добрососедских отношений, а также своего места в мире в числе ведущих держав;
- расширение доступа на внешние рынки космических товаров и услуг;
- формирование международной повестки дня и правил использования космического пространства;
- привлечение внешних источников интеллекта и финансов, а также создание кооперационных цепочек в интересах развития собственных высокотехнологичных отраслей.

Здесь следует подчеркнуть, что потенциалом *мягкой силы* обладают как совместные, так и сугубо национальные космические проекты, но лишь в том случае, если они имеют высокую научную либо прикладную значимость и высокую степень технико-технологической сложности.

ТРУДНОСТИ И ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РОССИЕЙ КОСМОСА КАК ИНСТРУМЕНТА МЯГКОЙ СИЛЫ

Сегодня космическая программа России стоит перед лицом структурных противоречий, которые отражаются и на внешнеполитической составляющей освоения страной космоса.

Во-первых, в значительной степени благодаря российским усилиям в 2010 г. срок использования *МКС* был продлен до 2020 г., однако российский сегмент станции довольно ограничен в своих научно-исследовательских возможностях. В то же время США используют сейчас комплекс как *полигон* для своих частных космических компаний и международную *институцию* в целях контроля космических программ партнеров; ЕС и Япония активно приобретают опыт длительных космических полетов и эксплуатации орбитальных лабораторий. В этом смысле участие России в *МКС* осуществляется с большой долей научно-практической и политической инерции, в то время как настала необходимость смены парадигмы.

Во-вторых, череда неудачных или отложенных научных миссий в 2009–2011 гг. — аппараты *КОРОНАС-Фотон*, *Фобос-Грунт*, *Луна-Глоб*, орбитальная обсерватория *Ультрафиолет* — ставит вопросы об изменении подходов к планированию и реализации космической программы, а также о стратегии преобразований в отечественной космической промышленности.

Перечисленные проблемы негативно сказываются на космическом потенциале России, а значит, и на ее способности применять этот потенциал в международных делах.

В то же время запланированные в рамках федеральной космической программы проекты, воплощение которых должно произойти в ближайшие 5–7 лет, имеют достаточный научный и внешнеполитический, с точки зрения *мягкой силы*, потенциал. К таковым относятся: астрофизический спутник *Спектр-РГ*, космический комплекс *Астрометрия*, межпланетный зонд *Венера-Д* и ряд других⁴. Все они имеют высокое значение для фундаментальной науки в глобальном масштабе и способны внести весомый вклад в ее развитие. Отдельно следует выделить перспективные НИОКР по созданию новых ракет-носителей, пилотируемого корабля и разработку космических аппаратов с атомными двигателями⁵.

Планомерная и успешная реализация этих начинаний сама по себе окажет благотворное воздействие на решение Россией во внешнем мире указанных выше групп задач.

ВНЕШНИЕ УСЛОВИЯ ДЛЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РОССИЕЙ КОСМОСА КАК ИНСТРУМЕНТА МЯГКОЙ СИЛЫ

Помимо внутренних аспектов использования и освоения космоса необходимо учитывать влияние внешних факторов. Так, например, в мире порядка 60 стран⁶ реализует собственные космические программы, а потому сегодня существует запрос на глобальную повестку дня космической деятельности, которая должна очерчивать круг основных проблем и выдвигать долгосрочные ориентиры в этой сфере.

США являются основным источником ключевых элементов такой повестки, среди них выделяются следующие: исследования глубокого космоса и тел Солнечной системы; проблема астероидной опасности; засорение околоземной орбиты и дефицит частотного ресурса для спутников; частная космонавтика и т. д.

Все это не только способствует укреплению их позиций в космосе как таковых, но и формирует парадигму целеполагания космической политики другими государствами и создает предпосылки для дальнейшего развития международно-правовых режимов регулирования использования космоса⁷.

Однако любая глобальная повестка дня подвержена неизбежным изменениям и размыванию; ведущие зарубежные игроки (ЕС, Китай и др.) также генерируют собственные стратегии освоения космоса и воплощают их на практике, что позволяет им сохранять свои политические позиции в этой сфере и преумножать ресурс *мягкой силы*.

В данной ситуации России необходимо сообразно возможностям принимать активное участие в создании международного политического дискурса в вопросах космоса. Однако сегодня наша страна активна лишь в вопросах противодействия милитаризации космического пространства, где, за неимением пока серьезных и вызывающих устойчивый резонанс вопросов, не достигла существенных результатов. Что касается целостности российской политики в сфере космической деятельности, то говорить о ее наличии сегодня весьма затруднительно⁸.

Вместе с тем потенциал для достижения положительных результатов на этом направлении у России имеется. Прежде всего страна способна генерировать долгосрочные ориентиры для фундаментальных исследований космического пространства, которые не только позволят привести собственную программу к общему знаменателю и выработать критерии ее успеха, но и будут оказывать воздействие на целеполагание зарубежных игроков.

Во-вторых, актуальным является инициативное российское участие в решении проблем замусоривания орбиты⁹. Учитывая, что Россия находится в числе основных *загрязнителей* околоземного пространства, подобные меры априори повысят ее роль в международных делах по вопросам космоса.

В-третьих, у России есть возможность стать одним из проводников частной космонавтики, предполагающей космическую деятельность вне рамок федеральной космической программы, которая осуществляется силами неправительственных игроков: компаниями, университетами, частными фондами, — хотя здесь вовсе не исключаются правительственные гранты.

Учитывая особенности российской экономики, эта возможность реализуема в части создания благоприятных условий для развития горизонтальных связей между российскими субъектами космического сектора, а также поддержки создания таких связей отечественных научных коллективов и негосударственных игроков с зарубежными партнерами. Ярким примером здесь является участие российской компании *Селеноход* в конкурсе *Google Lunar X-Prize* по созданию частного лунного робота и отправке его на Луну — эта компания функционирует скорее вопреки российским условиям, нежели благодаря им¹⁰.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ

Рекомендации, приводимые ниже, направлены на эффективное использование Россией космической деятельности в качестве инструмента *мягкой силы* во внешней политике.

- 1) Необходимо выработать стратегию использования космоса, нацеленную на период после завершения проекта *МКС*. При этом целесообразно отказаться от идеи продления ресурса станции после 2020 г. в силу ее тормозящего эффекта для российской космической программы.
- 2) Критериями успеха для участия России и ее компаний в международной космической кооперации должны стать новые знания, опыт и технологии, приобретаемые нацией.
- 3) России целесообразно расширять космическую кооперацию с Канадой, Бразилией, Индией, Австралией и Японией. Здесь возможны не только научные проекты, но и объединение на равных началах усилий в сфере контроля космического пространства и управления автоматическими исследовательскими миссиями. В политическом плане это также укре-

пит позиции России в дальнейшем взаимодействии с США, ЕС и КНР в вопросах космоса.

- 4) Вместе с тем широкое пространство для политического действия предоставляет сотрудничество в космосе с Европейским союзом. В силу экономических и организационных трудностей его космической программы в обозримой перспективе у России есть возможность развивать как двусторонние, так и многосторонние повестки дня использования и освоения космоса, реализуя собственные внешнеполитические цели. Имеется в виду, что российская сторона должна разрабатывать такие проекты, в которые европейцам будет интересно включаться. Для сравнения, сегодня, наоборот, Россия включается в европейские научно-исследовательские проекты.
- 5) России следует в приоритетном порядке развивать горизонтальную кооперацию между своими компаниями, университетами и научными центрами внутри страны, а также горизонтальную кооперацию российских гражданских университетов с университетами за рубежом. Здесь необходимо существенно видоизменить нынешние правила секретности и отнесения того или иного вида космической деятельности к сфере безопасности (секретными должны быть только ключевые технологии и решения, а не вся тематика деятельности научных коллективов). Во внешнеполитической плоскости необходимо активное участие в создании и развитии международно-правовой базы для такой горизонтальной кооперации и негосударственной космической инициативы в целом.
- 6) Любые новые российские начинания в сфере международного космического сотрудничества должны представлять интерес для политических, экономических и/или научных элит потенциальных партнеров.

Возможные сценарии развития российской космической деятельности в перспективе 5–10 лет с учетом ее внешнеполитических интересов:

- 1) *модернизационный сценарий*. Россия начинает глубокую и планомерную работу по институциональному, научному и экономическому совершенствованию своей космической деятельности. Это позволит ей сохранить и укрепить свои позиции в космосе и принимать равноправное участие в ключевых международных делах, связанных с этой сферой;
- 2) *инерционный сценарий*. Россия сохраняет принципиальное устройство своей космической деятельности без существенных изменений. Проект 2011 г. по созданию вертикальных узкоспециализированных холдингов в космической отрасли также укрепит инерцию. Страна продолжит играть важную роль в международных космических делах, однако ее политика в этой сфере будет реактивной, вследствие этого риски потери ею существенной части своих внешнеполитических позиций вырастут на непрогнозируемую величину;
- 3) *сценарий упадка*. Создание узкоспециализированных государственных холдингов в космической отрасли и поддержание барьеров для частных инициатив в этой сфере ведет к дальнейшему упадку космического ракетно- и двигателестроения и производства спутников. В рамках теории бюрократии такие структуры, помимо конкуренции во внешнем мире, склонны конкурировать в первую очередь между собой за государственное финансирование, не допуская в этот сектор ни университеты, ни бизнес.

Важно подчеркнуть, что от реализации любого из этих сценариев или их вариаций зависит то, насколько будут учитываться мнение и интересы России в рамках международной космической деятельности, включающей как сотрудничество, так и жесткую конкуренцию; насколько Россия сможет привлекать внешние ресурсы

для своего развития, а также то, займет ли наша страна долгосрочные устойчивые позиции в таких зависящих от космических систем направлениях, как контроль и регулирование глобальных пространств: морского, воздушного, околоземного и информационного. Использование космоса как внешнеполитического инструмента *мягкой силы* может быть эффективным, если будет направлено на достижение этих целей.

Примечания

¹ Дж. Най-младший. *Мягкая сила* и американо-европейские отношения. Свободная Мысль — XXI. 2004. № 10. <http://postindustrial.net/en/2004/11/myagkaya-sila-i-amerikano-evropejskie-otnosheniya/> (последнее посещение — 14 июня 2012 г.).

² Joseph S. Nye, Jr. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. N.Y., 2004.

³ См. тематические социологические опросы: 1) ВЦИОМ. <http://www.wciom.ru/index.php?id=1#> (последнее посещение — 14 июня 2012 г.); 2) Левада-Центр. <http://www.levada.ru/> (последнее посещение — 14 июня 2012 г.); 3) служба *Gallup*. <http://www.gallup.com/home.aspx> (последнее посещение — 14 июня 2012 г.); 4) исследовательский центр *Pew*. <http://www.pewresearch.org/> (последнее посещение — 14 июня 2012 г.).

⁴ Фундаментальные космические исследования. Федеральное космическое агентство. <http://www.federalspace.ru/main.php?id=25> (последнее посещение — 14 июня 2012 г.).

⁵ Стратегия развития космической деятельности России до 2030 г. и на дальнейшую перспективу. Федеральное космическое агентство. <http://www.federalspace.ru/main.php?id=402> (последнее посещение — 14 июня 2012 г.).

⁶ Profiles of Government Space Programs: Analysis of 60 Countries & Agencies. 2012 Edition. Euroconsult. <http://www.euroconsult-ec.com/research-reports/space-industry-reports/profiles-of-government-space-programs-38-37.html> (последнее посещение — 14 июня 2012 г.).

⁷ См., например: National Space Security Strategy Outlines Rules of the Road. U. S. Department of Defense. 2011. February 11. <http://www.defense.gov/news/newsarticle.aspx?id=62791> (последнее посещение — 14 июня 2012 г.).

⁸ В качестве иллюстрации здесь стоит вспомнить публичную полемику между отдельными предприятиями космической отрасли и руководством *Роскосмоса*, а также претензии вице-преьера Д. О. Рогозина к деятельности космического ведомства.

⁹ Россия, как минимум, начала продвигать эту проблематику в рамках ООН. См.: Доклад Комитета по использованию космического пространства в мирных целях. 54-я сессия (1–10 июня 2011 года). Генеральная Ассамблея ООН. Официальные отчеты. 66-я сессия. Дополнение № 20. С. 12. http://www.oosa.unvienna.org/pdf/gadocs/A_66_20R.pdf (последнее посещение — 14 июня 2012 г.).

¹⁰ Помимо всего прочего, под вопросом пока сама возможность запуска частного российского лунного робота на российском носителе. См.: официальный сайт компании *Селеноход*. <http://selenokhod.com/ru> (последнее посещение — 14 июня 2012 г.).